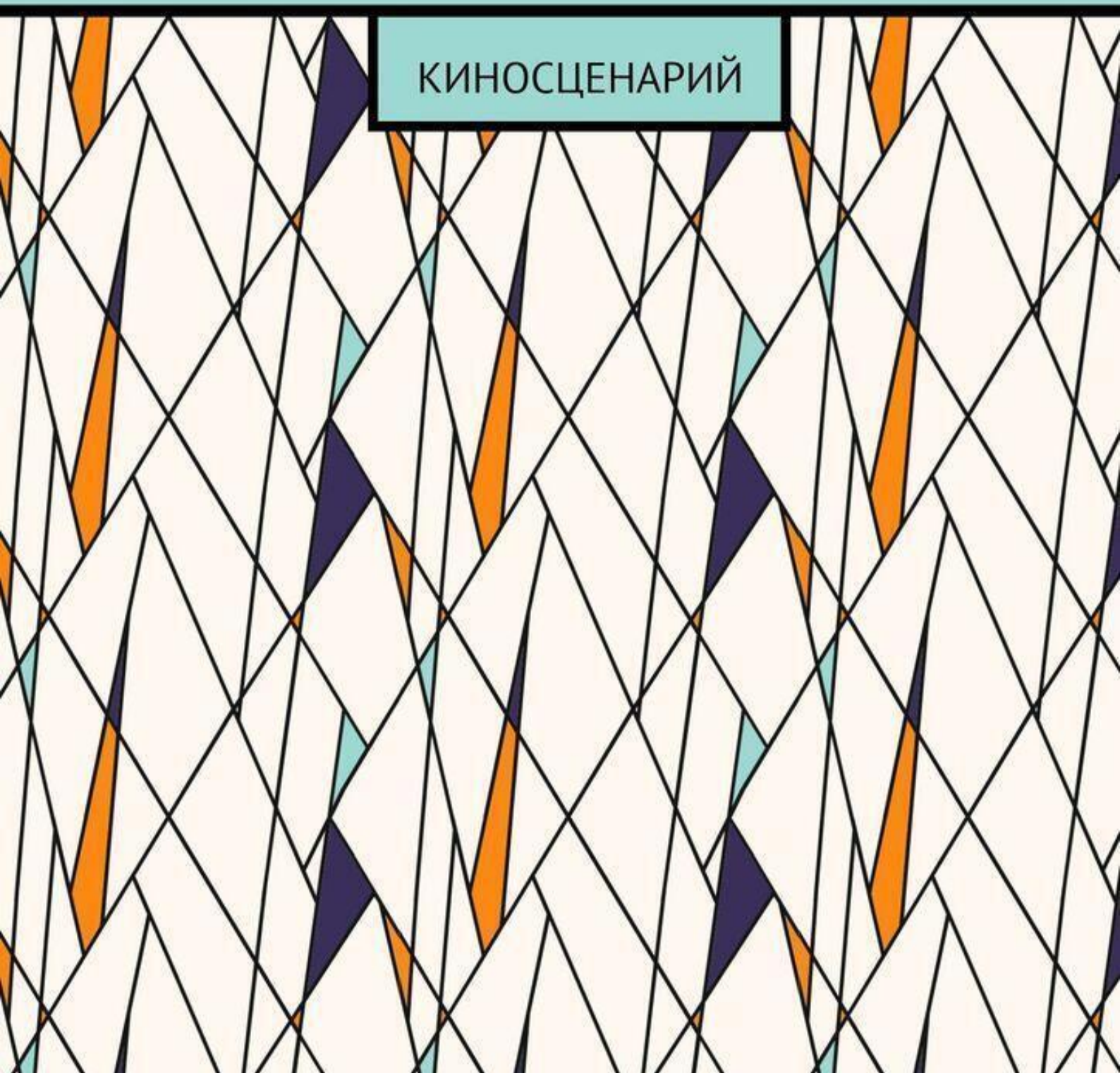
18+

ЖАКСЫЛЫК АБИБУЛЛАЕВИЧ
ТОЛЕГЕНОВ

На сопках Маньчжурии

КИНОСЦЕНАРИЙ



Жаксылык Толегенов

На сопках Маньчжурии. Киносценарий

«Издательские решения»

Толегенов Ж. А.

На сопках Маньчжурии. Киносценарий / Ж. А. Толегенов — «Издательские решения»,

Почему я должен рассказать эту историю? У меня была учительница Зинаида Константиновна Цой. Она брала гармонь и пела. А мы, дети, не понимали, почему взрослый человек плачет, когда поет. Прошло 90 лет. И теперь плачу я. Я понял, это было не песни. Это были похоронки. Плач целого народа, который в 1937 году увезли насильно в казахскую степь…

© Толегенов Ж. А.
© Издательские решения

Содержание

КИНОСЦЕНАРИЙ 6
НАЧАЛЬНЫЕ ТИТРЫ 7
Постановление СНК СССР №1428—326сс 8
2. ЭКСТ. ПЕРРОН — ВОДОКАЧКА — ТО ЖЕ ВРЕМЯ 9
3. ЭКСТ. ТЕПЛУШКА №17 — ТО ЖЕ ВРЕМЯ 10
4. ЭКСТ. ОБЩИЙ ПЛАН — СТАНЦИЯ 11
ИНТЕРЬЕР. МАЗАНКА. УТРО 12
МАЗАНКА. ДЕНЬ 13
БОРАНБАЙ 14
ИНТ. ДОМ. АЙЖАН — ДЕНЬ 15
ИНТ. ДОМ. АЙЖАН. АБИЛЬТАЙ 16
АЙЖАН 17
СЦЕНА. МАЗАНКА. ДЕНЬ 18
СУБТИТРЫ НА ФОНЕ ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ ХРОНИКИ 1930-х 20
СЦЕНА. МАЗАНКА. ВЕЧЕР 21
ВЕЧЕР. ПРОДОЛЖЕНИЕ. МАЗАНКА 22
СЦЕНА. МАЗАНКА ВЕЧЕР. ПРОДОЛЖЕНИЕ 23
ЗАТЕМНЕНИЕ. СЦЕНА. МАЗАНКА. НОЧЬ 24
СЦЕНА. МАЗАНКА. ИНТЕРЬЕР 25
СЦЕНА. МАЗАНКА. НОЧЬ. ПРОДОЛЖЕНИЕ 26
ЗАТЕМНЕНИЕ. СЦЕНА. ТЮРЬМА НКВД. КОРИДОР. НОЧЬ 27
СЦЕНА. КАМЕРА АБИЛЬТАЯ. НОЧЬ 28
СЦЕНА. ВОРОТА ТЮРЬМЫ. ДЕНЬ 29
СЦЕНА. УЛИЦА АУЛА. ДЕНЬ 30
СЦЕНА. МАЗАНКА. ИНТЕРЬЕР. КОМНАТА КОРЕЙЦЕВ 31
СЦЕНА. МАЗАНКА. НОЧЬ. ПОЗЖЕ 32
ЗАТЕМНЕНИЕ. СЦЕНА. САРАЙ / ЛАБАЗ. РАННЕЕ УТРО 33
Конец ознакомительного фрагмента. 34

На сопках Маньчжурии
Киносценарий

Жаксылык Абибуллаевич Толегенов

© Жаксылык Абибуллаевич Толегенов, 2026

ISBN 978-5-0071-6940-0
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

КИНОСЦЕНАРИЙ
«НА СОПКАХ МАНЬЧЖУРИИ»
по рассказу Жаксылыка Толегенова

Посвящается светлой памяти участников и жертв депортации корейцев с Дальнего Востока в 1937 году

НАЧАЛЬНЫЕ ТИТРЫ
ЧЕРНЫЙ ЭКРАН
ЗВУК

Издалека глухо, начинает играть гармонь-двухрядка. Мелодия песни «На сопках Манчжурии».

Медленно, с надрывом в голосе поет женщина-кореянка средних лет. Типичный корейский акцент. Голос уставший, но теплый.

ТИТР:

Постановление СНК СССР №1428—326сс

ТИТР:

Осенью 1937 года НКВД СССР депортировал корейцев с Дальнего Востока в Казахстан и Узбекистан.

ТИТР:

171 781 человек.
36 442 семьи.
124 эшелона.
6400 километров в товарных вагонах.

ЗВУК:

Голос кореянки становится чуть громче. В нем слышится боль и колыбельная одновременно.

ТИТР:

Около 100000 прибыли в Казахстан.
Их выгружали в степь без жилья, без еды, без медицинской помощи.

ТИТР:

Десятки тысяч погибли в первые годы.
От голода, холода, болезней.
Детей и стариков умирало больше всего.

ЗВУК:

Гармонь берет высокую ноту.
Голос кореянки затихает на полуслове, будто не хватает дыхание.

ТИТР:

Но казахские семьи делились последним.
Приютили, накормили, спасли.
Так началось история корейцев в Казахстане.

ЗВУК:

Последняя нота гармони замирает. Тишина.

1. ЭКСТ. Ж/Д СТАНЦИЯ. ДАЛЬНИЙ ВОСТОК — ДЕНЬ — ОСЕНЬ 1937

Титры: СЕНТЯБРЬ 1937. СССР. ДАЛЬНИЙ ВОСТОК.

Туман. Моросит дождь. Огромная товарная станция забита ТЕПЛУШКАМИ. Двери вагонов открыты.

Толпа — тысячи КОРЕЙЦЕВ. Старики, женщины с грудными детьми, мужики. На спинах — узлы. В руках — чайники, ведра, дети. Лица серые, усталые. Плачут дети. Старухи молча смотрят в землю.

СУЕТА. Хаос, но без криков. Глухой гул отчаяния.

ГОЛОС КОНВОИРА (за кадром, хриплый, усталый):

По вагонам! Быстрее! По вагонам, я сказал!

2. ЭКСТ. ПЕРРОН — ВОДОКАЧКА — ТО ЖЕ ВРЕМЯ

У ржавой водокачки — ОГРОМНАЯ ОЧЕРЕДЬ. Человек 200. Толкаются молча, без злобы. Просто чтобы выжить.

Старик-кореец с пустым чайником падает. Никто не помогает — у всех свои чайники, свои дети. Его просто обходят.

Молодой КОНВОИР с винтовкой, лет 18, нервно курит. Он сам боится этой толпы.

КОНВОИР (срываясь на крик):

Не напирать! Куда лезешь, узкоглазый?! Назад! Стрелять буду!

Тишина на секунду. Потом очередь снова молча движется.

3. ЭКСТ. ТЕПЛУШКА №17 — ТО ЖЕ ВРЕМЯ

В дверях теплушки сидит СЕМЬЯ: Дед, Бабушка, Отец, Мать, Мальчик 5 лет. Девочка лет 2. У девочки в руках кукла без головы.

МАТЬ (шепотом, по-корейски, с субтитрами):

Тише, дочка. Скоро приедем. Там будет тепло.

ОТЕЦ молчит. Смотрит на сопки Маньчжурии вдали. В глазах — пустота. Он понимает: не будет тепло.

За кадром — лязг буферов. Свисток паровоза. Состав дергается.

ГОЛОС КОНВОИРА (за кадром):

Отправка! По местам!

Двери теплушек с грохотом задвигаются. Лязг засовов. Плач становится громче, но его глушат стены вагонов.

4. ЭКСТ. ОБЩИЙ ПЛАН — СТАНЦИЯ

Состав медленно трогается. Десятки теплушек, набитые людьми. На крыше одного вагона сидит ВОРОНА. Каркает.

Поезд уходит в туман, в сторону степей Казахстана.

На перроне остаются брошенные узлы, один детский башмачок и лужи.

ЗАТЕМНЕНИЕ.

Казахстан Кзылорда. Зима 1937 года. Утро. Облачно.

ИНТЕРЬЕР. МАЗАНКА. УТРО

Приземистая глинобитная мазанка из двух комнат. При входе в дом стоит большая печь на две комнаты. Очаг вымазанный белой глиной. На ней чугунный котел среднего размера.

Возле очага копошится женщина лет тридцати. У нее кимешек (Традиционный головной убор из белой ткани). Разбирает из небольшого кулька семян пшеницы. В небольшую посудину наливает воду из кадка и начинает ополоскивать содержимое на дне.

МАЗАНКА. ДЕНЬ

Возле дома скрип колес телеги. Слышны голоса нескольких мужчин.

АЙЖАН выходит на улицу. Перед домом стоит запряжённой лошадью телега председателя сельсовета БОРАНБАЯ.

Он говорит хозяину мазанки

АБИЛЬТАЮ:

— Привез с железнодорожной станции прибывших с севера переселенцев-корейцев. Приказано их расселять по домам наших сельчан. Указание НКВД не обсуждается.

На телеге прижимаясь друг другу сидели старик со старухой, мужчина лет тридцати и молодая женщина с двумя детьми. Они были обмотаны разными тряпками, укутаны кое-как со старыми одеялами. Все они продрогшие и синие от холода. Дети не издавали ни звука. Старик щамкая безубым ртом говорил что-то молодой мужчине. Слов не разобрать.

БОРАНБАЙ:

— Все они из Владивостока, по дороге умерли многие. До нас доехали не все. Их документы у меня, — говорил Боранбай. — Если они умрут у тебя, спроса за них не будет, закопаем как-нибудь. И дело с концом.

АБИЛЬТАЙ:

— У нас тоже не очень хорошо с продуктами, но как-нибудь справимся, — сказал Абильтай качая головой от безысходности. — Они ведь люди тоже, почему не будет спроса? Обязательно будем отвечать за них на том свете перед богом.

БОРАНБАЙ

— Был бы бог справедлив, их так не мучил бы, особенно детей. Своими глазами видел как из вагона выволокли несколько мертвецов. Даже им глаза никто не закрыл, так они остекленевшими взорами смотрели куда-то!

ИНТ. ДОМ. АЙЖАН — ДЕНЬ

АБИЛЬТАЙ и БОРАНБАЙ вносят в дом старика и старуху, что лежали на арбе.

От голода и холода они так обессилели, что идти совсем не могли.

Молодой мужчина и его жена тоже высохли от голода. АБИЛЬТАЙ И АЙЖАН помогли им зайти в дом, а то они стояли опираясь на колесо арбы.

ДЕТИ лежат не двигаясь, только постанывают.

АЙЖАН накрывает одеялом старика и старуху, детей, что лежат на войлочном подстильке, кутает их со всех сторон.

БОРАНБАЙ покатил арбу и уехал.

АБИЛЬТАЙ берет в руки нож и идет к скотному двору.

— Дома нет мяса. Если сегодня не напоим их бульоном, то они умрут, особенно дети от долгого голодания и холода не протянут и дня.

АЙЖАН;

— Отец ЖУМАШЖАНА, теперь нашему мальчику не очень потребуется козье молоко, мы его сами будем подкармливать, разжуем сами и дадим, так приучим к еде.

АЙЖАН выносит из дома большой деревянный поднос и передает мужу.

АЙЖАН заваривает чай из разных трав. Сначало дает ложкой старику и старухе, потом сыну и снохе, детям.

Пришлые, попав в теплое место, сразу заснули мертвым сном.

Дети, которым дали чай из ложки через полчаса, начали причмокивать как обычно, шевелить языками, что занемели. Залепетали на своем языке и умоляющим взорами стали что-то выспрашиват у АЙЖАНА.

АБИЛЬТАЙ входит в дом с полным подносом мяса. Топором рубит кости и бросает в казан.

АБИЛЬТАЙ;

— Этим много еды не давай, их желудки не выдержат.

АБИЛЬТАЙ;

— Сейчас я свяжу им руки. Иначе, скрученные голодом, они сначало будут делать очень опасные движения, могут даже наброситься на нас с криком «Дай еды!». Это мясо пускай вариться в казане. Как закипит — сними пену. Будем им в рот капать по немножку. В голод 32-года у нас люди убивали друг друга за еду. Даже то, что ели мясо своих детей народ еще не забыл. Поэтому будь осторожна…

ИНТ. ДОМ. АЙЖАН. АБИЛЬТАЙ

Он из внутренней комнаты приносит несколько мотков тонких веревок и связывает руки и ноги лежащим в комнате. Детей не трогает.

АБИЛЬТАЙ;

— Я пойду опалить голову и ножки забитой козы. К вечеру председатель сельсовета придёт и он сказал, что возьмёт из склада колхоза немного пшеницы и раздаст по домам, где остановились переселенцы. Угостим его головой козы и свежей козлятиной. А у тебя осталось хоть немного муки для бешбармака?

АЙЖАН кивает в ответ мужу. Подкладывает в зев очага несколько веток саксаула и занимается другими домашними делами.

Мясо закипает. АЙЖАН снимает пену, добавляет соль. Других приправ в доме нет.

АЙЖАН из мучного мешка достаёт несколько горст муки. Рассеивает его на деревянный поднос, льёт сверху воду и начинает месить.

АЙЖАН. Дома совсем муки нет.

Бормочет она что-то и смотрит на ручную мельницу, что установлен в углу. Чуть улыбается.

АЙЖАН;

Если в дом гость придёт — удача и достаток тоже вместе с ним приходит говорят казахи. В правдивости этого народного высказывания она всегда искренне верила. Они приютив голодных и холодных переселенцев, в самом деле заслужили на сегодня благость. Нехватка пшеницы возвращается сторицей руками самого председателя сельсовета. Не это ли вознаграждения бога за их благое дело….

АЙЖАН;

Если слова председателя сельсовета о раздаче пшеницы семьям приютивших переселенцев верно, хоть на день два пропитание появится подумала она когда в прихожей зашёл АБИЛЬТАЙ.

АБИЛЬТАЙ;

— Головы-ноги козы опалил огнем, кишки-потроха приговил к чистке. Козью шкуру тоже солью посыпал и в сарае расстелил для сушки. Шкуру у заготовителя Ашима обменяем на что-нибудь.

АЙЖАН;

— Этот проходимец за шкуру козы ничего не даст, разве заварку на пару раз.

АБИЛЬТАЙ;

— Ты дай-ка тем людям немного из бульона испить, особенно детям.

АЙЖАН поднимает глаза. В её взгляде понимание. Она кивает.

КАМЕРА:

Крупный план на миску с жидковатым супом.

ЗВУК: скрип половицы, далекий лай собак.

АЙЖАН

Подносит деревянную ложку к губам мужчины-корейца. Он вдрагивает и открывает глаза.

СЦЕНА. МАЗАНКА. ДЕНЬ

Внутри мазанки полумрак. На кошме лежат изможденные ДЕД, СТАРУХА, КОРЕЙСКИЙ ПАРЕНЬ и КОРЕЯНКА. Рядом их дети. АБИЛЬТАЙ держит в руках пиалу с шурпой. АЙЖАН стоит у очага.

ГОЛОС ЗА КАДРОМ АЙЖАНА:

— Подойди к тому корейскому парню, поговори с ним. Я только что дала ему воды, а он что-то бормотал по-русски, но я ничего не поняла.

АБИЛЬТАЙ:

— Ладно, попробую своим русским.

Берет пиалу с шурпой, подходит к парню, присаживается рядом. Осторожно вливает ему в рот несколько ложек.

Парень чувствует еду, с трудом открывает глаза.

АБИЛЬТАЙ (медленно, подбирая слова):

— Ты… русский… понимаешь? Как зовут?

Парень слабо качает головой и взглядом показывает на пиалу и жену.

АБИЛЬТАЙ (оборачиваясь к жене):

— Айжан, принеси еще шурпы.

Айжан приносит. Парень, немного подкрепившись, отодвигает пиалу и подталкивает её в сторону женщины.

Абильтай теперь подносит ложку ко рту КОРЕЯНКИ. Та делает пять-шесть глотков. В ней появляются силы, она пытается приподняться.

Айжан подбегает, вдвоем с Абильтаем они усаживают женщину, подкладывают ей под спину подушки.

Через минуту КОРЕЯНКА шепчет тихо, но разборчиво:

— Я говорит руски.

Абильтай оживляется. Он немного знал русский — выучил, когда ездил в Шалкар и работал в рыбацком поселке Арал на берегу моря. Сейчас это пригодилось.

АБИЛЬТАЙ (показывая на парня):

— Это кто?

ЧИ СУ:

— Муж. Ши Хо.

Смотрит на старика.

ЧИ СУ:

— Дед. Тхе Сон. Бабушка Ми.

Переводит взгляд на мальчика.

ЧИ СУ:

— Сын. До Юн.

Слабо улыбается, глядя на девочку.

ЧИ СУ:

— Дочь. Ми Ен.

Кладет руку себе на грудь.

ЧИ СУ:

— Я… Чи Су.

АБИЛЬТАЙ (поворачиваясь к Айжан):

— Ну вот, познакомились. Теперь с этой келин (невестка) будешь говорить. Русский учи!

АЙЖАН (смеется):

— Какой там русский. И жестами поймём друг друга.

ЗАТЕМНЕНИЕ.

СУБТИТРЫ НА ФОНЕ ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ ХРОНИКИ 1930-х

ТИТР:

В начале 1930-х корейцы были крупнейшим нацменьшинством Приморья — около 200 тыс. человек, 1/3 населения Владивостока.

ТИТР:

Что дала им советская власть в этот период:

ТИТР:

Земля и колхозы. После Гражданской войны корейцам массово выделяли землю. К 1931 году было создано 200 корейских колхозов. Владивостокский округ давал до 90% риса на Дальнем Востоке — в основном руками корейских крестьян.

ТИТР:

Образование на родном языке. Работало 380 корейских школ, Корейский пединститут во Владивостоке, корейский техникум, рабфаки. Выходили газеты «Сенбон» и «Авангард» на корейском.

ТИТР:

Национальные районы. Посьетский район был официально корейским национальным районом. Действовали корейские сельсоветы, суды, театры.

ТИТР:

В 1930 году отдельной переписи не было. По данным учета населения Дальневосточного края на 1930—1931 годы:

ТАБЛИЦА. НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО КРАЯ, 1930 г.

ТИТР:

Корейцы. 1930 — пик численности. Жили компактно: Посьетский район был корейским национальным, 85% населения. Во Владивостоке каждый третий был корейцем. 380 корейских школ, Корейский пединститут, театр, газета «Сенбон».

ТИТР:

После депортации корейцев 1937 и выселения китайцев 1938, доля русских выросла до 75%, украинцев упала до 18%, корейцев и китайцев осталось меньше 1%.

СЦЕНА. МАЗАНКА. ВЕЧЕР

За дастарханом сидит БОРАНБАЙ, председатель сельсовета. АБИЛЬТАЙ ставит перед ним большую черную деревянную пиалу с мясом.

АБИЛЬТАЙ:

— Боранбай ага, дома была только одна дойная коза. Зарезал ее, чтобы этим людям на шурпу хватило. Отведайте. А когда будете уходить, снохе немного мяса передадим.

АЙЖАН уже расстелила тряпичную скатерть в комнате, где лежат переселенцы. АБИЛЬТАЙ развязывает веревки на руках и ногах корейцев.

АБИЛЬТАЙ:

— Боранбай ага, мы их связали не со зла. Боялись, что с голоду на нас кинутся. Слышали, как Жума ага голодные корейцы избили — еду просили.

БОРАНБАЙ (кивает, отхлебывая шурпу):

— Да, так и было. Сам видел сегодня. Сидят, сырой рис жуют. Пришлось наганом их припугнуть, шугануть. Тоже велел связать им руки и ноги.

Делает паузу.

БОРАНБАЙ:

— А, келинке в том доме наказал: рис с пшеницей вместе варить. И понемногу давать, часто. А то сразу много нельзя. У голодного какой ум? Вот и вышло, как с Жумой. Он потом у своего же дома стоял, зайти боялся. Только когда я тех связал, они с женой домой вошли.

Вздохнул.

БОРАНБАЙ:

— Хорошо, что старики Жума в соседний аул уехали. Бог уберег. А то кто знает, могли и на них накинуться. Голод — не тетка.

ВЕЧЕР. ПРОДОЛЖЕНИЕ. МАЗАНКА

За дастарханом.

Перед БОРАНБАЕМ ставят блюдо с мясом. Посредине — вареная голова козы.

АЙЖАН (почтительно):

— Ага, угощайтесь. Вот это голова от той козы, что мы зарезали. Вам предназначалась!

БОРАНБАЙ:

— Беру-беру. А этим людям тоже даете?

Кивает в сторону корейцев. Потом обращается к Абильтаю:

БОРАНБАЙ:

— Абильтай, слушай. Там в арбе, под передком, мешочек висит. Выйди-ка, принеси его сюда. Еда-то знатная получилась! Надо бы её чем-то запить. А то в горле пересохло, ей-богу!

Боранбай отрезает от головы ухо, кладет на край блюда.

БОРАНБАЙ:

— Это Жумашжану передашь.

В мазанку возвращается АБИЛЬТАЙ, ставит перед Боранбаем небольшой мешочек.

БОРАНБАЙ (оживляется):

— Вот теперь порядок. Келин, дай-ка две чайные пиалы!

Достает из мешочка бутылку из голубого стекла. Откупоривает, разливает с бульканьем по пиалам.

БОРАНБАЙ:

— Абильтай, иди сюда. Давай-ка этой замзам-воды (Вода из святого источника) хлебнем!

Берет свою пиалу.

АБИЛЬТАЙ (мнется):

— В прошлый раз у Койшибая, когда он дочь замуж выдавал, мне из такой же бутылки в большую чашу налили. Выпил я одну — и назавтра слег. Два-три дня только в себя приходил. Не верите — вот у келин своей спросите.

БОРАНБАЙ, не поморщившись, опрокидывает в себя полную пиалу водки.

БОРАНБАЙ (крякнув):

— Эх, темный мой казах! Пить-то вы не умеете. Разве водку пьют чашами для кумыса? Много это для одного человека, много! Водку надо вот так пить, из такой посуды!

Хватает вторую пиалу и тоже опрокидывает залпом. Берет рукой мясо с блюда и начинает есть.

СЦЕНА. МАЗАНКА ВЕЧЕР. ПРОДОЛЖЕНИЕ

БОРАНБАЙ отхлебывает шурпу из пиалы. Между бешбармаком не забывает и подливать себе из голубой бутылки и опрокидывать.

БОРАНБАЙ:

— Вот той пшеницы, что вам раздал, дому Мусы не хватило. Так он скандал устроил.

Усмехается, выпивает еще.

БОРАНБАЙ:

— Орал, кричал. «Убью да порешу!» — изо рта у него и белая собака входила, и черная выходила. «В НКВД пойду, на вас донос напишу!» — грозился.

Машет рукой.

БОРАНБАЙ:

— Да мне его крики — как с гуся вода. Потому что все это мы и делаем по указке того самого НКВД.

Кивает АЙЖАН.

БОРАНБАЙ:

— Келин, подай-ка подушку.

Айжан подкладывает ему подушку. Боранбай ложится на бок, опираясь на локоть.

БОРАНБАЙ:

— Но кто его знает… Там в конторе сидит синеглазый Жагор. Он давно на меня зуб точит. «Прихвостень бая», — говорит. Сейчас их слово — закон. Что скажут, то и будет.

АБИЛЬТАЙ:

— А вам-то что за дело? Пшеницу, что дали, мы взяли. Вон стоит!

Не успевает Абильтай договорить это — дверь мазанки резко распахивается. Врываются ЧЕТВЕРО вооруженных МУЖЧИН. С ходу бросаются на сидящих за дастарханом БОРАНБАЯ и АБИЛЬТАЯ.

ЗАТЕМНЕНИЕ. СЦЕНА. МАЗАНКА. НОЧЬ

ЧЕТВЕРО ВОРВАВШИХСЯ моментально скручивают БОРАНБАЮ и АБИЛЬТАЮ руки. Выволакивают их из мазанки, закидывают в арбу.

АБИЛЬТАЙ (кричит из арбы):

— Айжан, не бойся! Мы ни в чем не виноваты, отпустят! За детьми присмотри, за людьми в доме!

Арба трогается и скрывается в темноте.

СЦЕНА. МАЗАНКА. ИНТЕРЬЕР

АЙЖАН со слезами на глазах заходит в дом. Берется за домашние дела. К ней подбегает дочь САРА, всхлипывает.

САРА:

— Мама, куда увели отца?

АЙЖАН (гладит дочь по голове):

— Скоро вернется, доченька. Ты за Жумашжаном присмотри. А я этих людей накормлю.

Айжан берет еду с дастархана, ставит перед стариком-корейцем. МОЛОДОЙ КОРЕЕЦ, сам подползает к подносу с едой и жадно ест мясо.

Изможденная ЧИ СУ тоже ест, поит детей шурпой, утешает их. КОРЕЯНКА смотрит на Айжан, жестами зовет ее поесть вместе.

Айжан накладывает в маленькую тарелку еду для своих детей, садится рядом с Чи Су.

СЦЕНА. МАЗАНКА. НОЧЬ. ПРОДОЛЖЕНИЕ

В мазанке тихо. АЙЖАН и ЧИ СУ сидят рядом. Они оживленно «разговаривают» жестами.

ЧИ СУ показывает на пальцах — 24. АЙЖАН в ответ загибает пальцы — 26. Обе смеются.

МУЖ ЧИ СУ, МОЛОДОЙ КОРЕЕЦ, удивленно смотрит на них. ЧИ СУ быстро что-то говорит ему по-корейски, показывая на Айжан и ее детей, объясняет.

Из за угла — доносится кряхтение СТАРИКА-КОРЕЙЦА. Ему что-то отвечает его СТАРУХА.

Немного погодя наевшиеся ДЕТИ просят пить. ЧИ СУ встает, делает Айжан жест, будто пьет из пиалы.

АЙЖАН тоже поднимается, показывает рукой на сенцы — там стоит деревянное ведро с водой.

ЧИ СУ берет ковш, зачерпывает воду, поит своих детей. Глядя на них, САРА и ЖУМАШЖАН без всякого стеснения подходят к кореянке и тоже пьют из ковша.

Женщины жестами «договариваются» — на ночь из дома никто выходить не будет. Подбрасывают дрова в печь.

Вдвоём моют посуду, убирают все на места.

АЙЖАН подходит к наружной двери, запирает ее изнутри на засов. Потом жестами объясняет ЧИ СУ, куда выходить по нужде, если понадобится ночью.

ЗАТЕМНЕНИЕ. СЦЕНА. ТЮРЬМА НКВД. КОРИДОР. НОЧЬ

БОРАНБАЯ и АБИЛЬТАЯ привозят в тюрьму. Их разводят по разным камерам.

ГОЛОС БОРАНБАЯ ЗА КАДРОМ:

В арбе, по дороге в тюрьму, Боранбай шептал Абильтаю на ухо: «Много не болтай. Ничего не признавай. Нигде не ставь подпись. Сделаешь так — завтра же выпустят».

Но, он сидел долго.

СЦЕНА. КАМЕРА АБИЛЬТАЯ. НОЧЬ

Каждый день, за полночь, в камеру к АБИЛЬТАЮ приходит СИНЕГЛАЗЫЙ СЛЕДОВАТЕЛЬ. Кричит на него, угрожает.

Один-два раза его бьют. АБИЛЬТАЙ молчит, ничего не признает.

СЛЕДОВАТЕЛЬ:

— Дашь показания против Боранбая — прямо сейчас отпустим!

АБИЛЬТАЙ осунулся, исхудал. Лежит на нарах, смотрит в потолок.

ГОЛОС АБИЛЬТАЯ ЗА КАДРОМ:

Думает об Айжан, о Саре и Жумаше. «Они среди своих», — успокаивает себя.

СЦЕНА. ВОРОТА ТЮРЬМЫ. ДЕНЬ

На шестой день заключения ворота открываются. АБИЛЬТАЯ выпускают.

Он выходит, прислоняется спиной к глинобитной стене. Сидит. Не верит ни глазам, ни тому, что он на свободе.

Вдалеке показывается тарантас. На нем — председатель колхоза КУРМАН. Он видит Абильтая, но делает вид, что не заметил. Тарантас, громыхая, проезжает мимо, не останавливаясь.

Абильтай даже не пытается поднять руку.

СЦЕНА. УЛИЦА АУЛА. ДЕНЬ

АБИЛЬТАЙ, измученный, полчаса идет пешком. Подходит к своему дому.

Увидев его, АЙЖАН с радостным криком бросается к нему, обнимает. ЧИ СУ стоит в стороне, тепло улыбается.

ДЕТИ тоже облепляют отца. ЖУМАШЖАН что-то лопочет, дергает его за шапан.

СЦЕНА. МАЗАНКА. ИНТЕРЬЕР. КОМНАТА КОРЕЙЦЕВ

Все заходят в дом, в комнату, где разместились корейцы. ЧИ ХО вскакивает с места. СТАРИК и СТАРУХА что-то говорят по-своему, протягивают к Абильтаю руки.

АЙЖАН тут же расстилает дастархан. Две женщины, АЙЖАН и ЧИ СУ, как сестры-близнецы, вместе начинают готовить чай.

ДЕТИ бегают друг за другом. Видно, что они уже подружились. На лицах людей, еще недавно изможденных голодом, появился румянец.

Когда разлили чай, АЙЖАН начинает рассказывать новости.

АЙЖАН:

— Боранбая-ага еще не выпустили. Жена его ходила в тюрьму, но свидания ей не дали.

АЙЖАН (смотрит на Абильтая):

— Через три дня после того как вас забрали, я зашла к ним домой. По аулу слух пошел, что «семья голодает». Я отнесла им немного мяса, что оставалось… И муки, что мы с Чи Су на ручной мельнице намололи. Он же из-за нас, в огонь полез! Я правильно сделала, а?

АЙЖАН (продолжает):

— Соседка, Айман, говорила мне: «Мужу навредишь, не ходи к ним!». Но я не выдержала…

АБИЛЬТАЙ молча смотрит на жену. В его взгляде — усталость и благодарность.-

АЙЖАН (продолжает рассказ):

— На следующий день после вашего ареста пришёл председатель Курман. Он забрал коня Боранбая-ага. Я только успела сена ему бросить. А арбу… арбу мы с Чи Су подняли оглоблю и затащили в сарай за домом, спрятали. Курман про арбу даже не заикнулся.

АБИЛЬТАЙ с уважением смотрит на жену.

АБИЛЬТАЙ:

— Мозги у тебя сработали как надо.

Он встает из-за дастархана, выходит. Возвращается через минуту с тяжелым свертком в мешковине.

Подходит к ЧИ СУ.

АБИЛЬТАЙ (протягивает сверток):

— Посмотри.

СЦЕНА. МАЗАНКА. НОЧЬ. ПОЗЖЕ

В мазанке полумрак. Все спят. Только ЧИ СУ сидит у тлеющего очага, держит в руках один из документов из мешка. Проводит пальцем по иероглифам. На ее лице — страх и надежда.

ЗК. ФЛЭШБЭК. ДЕНЬ. ДОРОГА В ТЮРЬМУ.

Пыльная дорога. Конвоиры ведут группу арестованных. Среди них изможденный БОРАНБАЙ и АБИЛЬТАЙ. Они идут рядом.

БОРАНБАЙ, тяжело дыша, наклоняется к уху АБИЛЬТАЯ. Говорит быстро, шепотом, оглядываясь на конвой.

БОРАНБАЙ (шепотом, лихорадочно):

— Абеке… в арбе… в большом мешке, что висит на задке… Там все документы корейцев, которых привезли в этот аул. Хоть умри, но сохрани их. Отдай какому-нибудь корейцу, кто знает грамоту…

АБИЛЬТАЙ кивает, слушает. Его взгляд падает на идущую в стороне колонну корейцев. Среди них ЧИ СУ, она что-то объясняет конвоиру на ломаном русском.

АБИЛЬТАЙ (шепотом в ответ):

— Вон та… молодая женщина, Чи Су. Говорят, она немного знает русский. Ей и отдадим.

БОРАНБАЙ на секунду закрывает глаза. В его взгляде — облегчение.

БОРАНБАЙ (еще тише, с нажимом):

— Если эти документы попадут к ним в руки… появится шанс сбежать за границу. Если хоть один-два из них доберутся до Европы… То о политических гонениях на корейцев в Советском Союзе узнает весь мир. Но…

Он хватает Абильтая за рукав.

— Но пока не разглашай! Если дойдет до ушей НКВД — нам конец. Кореец, попавший в их кровавые лапы, живым не останется. Это… это счастье им не писано.

Конвоир кричит, замахивается прикладом. Боранбай и Абильтай замолкают. Абильтай смотрит в спину Чи Су. В его глазах — тяжесть нового, страшного долга.

КОНЕЦ ФЛЭШБЭКА.

СЦЕНА. МАЗАНКА. НОЧЬ. НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ

ЧИ СУ резко возвращается в реальность. Слышит, как во сне ворочается ее сын. Она быстро, с ужасом заворачивает документы обратно в мешковину.

Ее взгляд падает на спящего АБИЛЬТАЯ. Теперь она понимает, какой ценой он достал эти бумаги. Какой риск он взял на себя. На весь аул.

В ее глазах — слезы. Но это уже не слезы жертвы. Это слезы человека, на которого свалилась ответственность за 40 жизней.

Она прижимает мешок к груди. За окном воет степной ветер. Где-то далеко лает собака. Это звук НКВД. Звук смерти.

ЧИ СУ смотрит в темноту. Теперь она не просто беженка. Она — хранитель.

ЗАТЕМНЕНИЕ. СЦЕНА. САРАЙ / ЛАБАЗ. РАННЕЕ УТРО

Рассвет. Сквозь щели сарая пробиваются первые лучи солнца. Пыль танцует в воздухе. АБИЛЬТАЙ, не спавший всю ночь, тихо заходит в лабаз. Он оглядывается, прислушивается. Тишина.

Он подходит к телеге Боранбая. Начинает методично, на свету, осматривать ее еще раз. Проверяет дно, борта. Его руки скользят по задней стенке оглобли.

Пальцы нащупывают что-то. Еще один мешок. Не тот, что с документами. Другой. Меньше, но тяжелый. Аккуратно привязан в самом углу.

АБИЛЬТАЙ быстро, но без суеты, отвязывает его. Оглядывается на дверь. Высыпает содержимое на ладонь, прикрывая другой рукой.

НА КРУПНЫЙ ПЛАН: на его мозолистой ладони лежат:

— Две пары золотых браслетов, массивных, с казахским орнаментом.

— Пять-шесть золотых колец и перстней. На одном — большой красный камень.

— Около двадцати золотых монет. На них отчетливо виден профиль Николая II. Червонное золото тускло блестит в лучах рассвета.

АБИЛЬТАЙ долго смотрит на золото. В его глазах нет жадности. Только тяжесть. И понимание. Это — смерть. За это расстреляют всю его семью, не спрашивая.

Он не медлит. Быстро заворачивает все обратно в тряпицу, туго затягивает мешок.

АБИЛЬТАЙ поднимает голову. Под крышей лабаза — толстые поперечные бревна из сосны.

Он подтаскивает колоду, встает на нее. Засовывает мешок с золотом в самый дальний угол, в щель между бревном и крышей. Туда, где его не видно снизу. Где его не найдут при обычном обыске.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.